

DOI: 10.31857/S086919080018254-6

ТАНЗАНИЯ: ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ В КОНТЕКСТЕ НАСЛЕДИЯ ДЖУЛИУСА НЬЕРЕРЕ¹

© 2022

С.В. КОСТЕЛЯНЕЦ^а, Т.С. ДЕНИСОВА^б^а – Институт Африки РАН и Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики», Москва, Россия

ORCID ID: 0000-0002-9983-9994; sergey.kostelyanyets@gmail.com

^б – Институт Африки РАН, Москва, Россия

ORCID ID: 0000-0001-6321-3503; tsden@hotmail.com

Резюме: 13 апреля 2022 г. исполнилось 100 лет со дня рождения первого президента независимой Танзании Джулиуса Камбараре Ньерере, политическое наследие которого продолжало оказывать большое влияние на все аспекты жизни страны и после его кончины в 1999 г. Преемники Мвалиму («Учителя»), как его называли танзанийцы, на высшем государственном посту, с одной стороны, руководствовались его «видением будущего Танзании», с другой – использовали – не всегда правомерно – его имя при продвижении собственных решений.

В статье рассматриваются основные направления политического развития Танзании в контексте преемственности сменявших друг друга режимов. Анализируются особенности формирования танзанийской нации и причины постепенного отхода лидеров страны от сформулированных Ньерере принципов «африканского социализма», сохранения – любой ценой – экономического равенства, национального единства и др., следование которым в годы правления Мвалиму было обязательным.

Используя для характеристики танзанийских политических режимов теоретико-аналитический и системно-исторический подходы, авторы делают выводы о том, что, во-первых, именно благодаря заложенным Мвалиму основам нациестроительства Танзания, в отличие от большинства других африканских стран, постколониальный период развития которых был отмечен многочисленными военными переворотами, гражданскими войнами и вооруженными конфликтами, в течение почти шести десятилетий сохраняла политическую стабильность, выразившуюся прежде всего в исключительно конституционной передаче власти от одного политического режима/лидера другому; во-вторых, что под влиянием внутренних и внешних политических и экономических процессов принципы «африканского социализма» постепенно, мирным путем, были вытеснены рыночными отношениями, и в 2010-е – 2020-е гг. танзанийцы оказались в начале эры «постньереризма», хотя и сохранили – в соответствии с заветами первого президента – единство нации и гордость за право называться «гражданином Танзании».

Ключевые слова: Танзания, Джулиус Ньерере, Али Хасан Мвиньи, Б. Мкапа, Дж. Киквете, Дж. Магуфули, политические режимы, «африканский социализм»

Для цитирования: Костелянец С.В., Денисова Т.С. Танзания: политическое развитие в контексте наследия Джулиуса Ньерере. *Восток (Oriens)*. 2022. № 3. С. 160–172. DOI: 10.31857/S086919080018254-6

¹ Статья подготовлена в рамках гранта РНФ № 21-18-00123 «Анализ и моделирование развития Африки в контексте внешнеполитических интересов России».

TANZANIA: POLITICAL DEVELOPMENT IN THE CONTEXT
OF JULIUS NYERERE'S LEGACY

© 2022

Sergey V. KOSTELYANETS ^a, Tatyana S. DENISOVA ^b^a – Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences
and HSE University, Moscow, Russia

ORCID ID: 0000-0002-9983-9994; sergey.kostelyanyets@gmail.com

^b – Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

ORCID ID: 0000-0001-6321-3503; tsden@hotmail.com

Abstract. 13 April 2022 marked the 100th anniversary of the birth of the first president of independent Tanzania Julius Kambarage Nyerere, whose political legacy has continued to exert great influence in the country after his death in 1999. The successors of Mwalimu (“teacher”), as Tanzanians called him, to the highest office were guided by his “vision of the future of Tanzania”, on the one hand, and used – not always appropriately – his name when promoting their own agenda, on the other.

The paper examines the main vectors of the political development of Tanzania in the context of the succession of subsequent regimes. The authors analyze the main points of the formation of the Tanzanian nation and the reasons for the gradual departure of the country's leaders from the principles of “African socialism” and from the preservation of economic equality, national unity, etc., which were of paramount importance during Mwalimu's rule.

Employing the theoretical-analytical and systemic-historical approaches to characterize Tanzanian political regimes, the authors conclude that, firstly, owing to the foundations of nation-building laid down by Mwalimu, Tanzania has for almost six decades maintained political stability, expressed primarily in the exclusively constitutional transfer of power from one political leader to another; secondly, that under the influence of internal and external political and economic processes, the principles of “African socialism” were gradually and peacefully replaced by market relations. Accordingly, in the 2010s–2020s the Tanzanians found themselves in the era of “post-Nyererism”, although they retained national unity and pride in being “citizens of Tanzania”.

Keywords: Tanzania, Julius Nyerere, Ali Hassan Mwinyi, Benjamin Mkapa, Jakaya Kikwete, John Magufuli, political regimes, “African socialism”.

For citation: Kostelyanets S.V., Denisova T.S. Tanzania: Political Development in the Context of Julius Nyerere's Legacy. *Vostok (Oriens)*. 2022. No. 3. Pp. 160–172. DOI: 10.31857/S086919080018254-6

ВВЕДЕНИЕ

В отличие от большинства африканских стран, постколониальный период развития которых был отмечен многочисленными военными переворотами и вооруженными конфликтами, Танзания, образовавшаяся в 1964 г. в результате объединения материковой части страны – Республики Танганьики и островной – Республики Занзибара и Пембы, в течение почти шести десятилетий сохраняла относительную политическую стабильность, которая выражалась прежде всего в конституционной передаче власти от одного политического режима/лидера другому. Мирный характер процессов государственного строительства

в Танзании в значительной степени обусловлен уважением к политическому наследию первого премьер-министра независимой Танганьики (1961–1964), а затем президента (1964–1985) Объединенной Республики Танзании (ОРТ) Джулиуса Камбараре Ньерере (1922–1999), 100-летие со дня рождения которого отмечалось 13 апреля 2022 г.

Интересно, что, несмотря на большое внимание не только в Африке, но и на Западе к деятельности Дж. Ньерере [Kassam, 1994; Mwakikagile, 2006; Hyden, Mmuya, 2008; Bjerk, 2017 и др.], в России развитию его концепции «африканского социализма» и, в целом, Танзании при его правлении посвящено не так много, как можно было бы предположить, работ, среди которых выделяются книги В.Е. Овчинникова [Овчинников, 1986], И.Е. Синицыной [Синицына 1972]; сборники статей «Julius Nyerere. Humanist, Politician, Thinker» [Julius Nyerere, 2006], «Джулиус Камбараре Ньерере – первый президент свободной Танзании» [Джулиус Камбараре Ньерере, 2010] и статьи Д.М. Бондаренко [Бондаренко, 2004; 2005] и С.М. Шлёнской [Шлёнская, 2015].

Между тем теоретическое и практическое наследие Мвалиму («Учителя»), как его называли танзанийцы, огромно и до сих пор влияет на все аспекты общественной жизни Танзании. В 1967 г. Ньерере была сформирована стратегия развития страны, нашедшая отражение в Арушской декларации и вдохновленная социалистическими идеями, адаптированными к африканским реалиям. Многочисленные теоретические работы и политические памфлеты Мвалиму снискали ему уважение зарубежных политиков и политологов, хотя практическое воплощение в жизнь предложенного им и теоретически обоснованного пути развития было полно парадоксов: принятие мер по достижению равенства, социальной справедливости и материального благополучия граждан сопровождалось подавлением инакомыслия во всех его проявлениях, в т. ч. репрессиями в отношении политических оппонентов. Подобные действия оправдывались необходимостью «быстро побороть бедность и болезни»: Ньерере неоднократно говорил: «мы должны бежать, пока другие идут» [Kassam, 1994]. В результате сформировалась атмосфера «безотлагательности и больших ожиданий» – предполагалось все сделать «здесь и сейчас», и политические решения объявлялись как необходимые к реализации любой ценой. Однако спешка и поощрение «революционного» настроя у танзанийцев приводили к ошибкам в планировании и, в конечном итоге, к провалам в экономике.

Позже, когда преемники Ньерере начали проводить радикальные хозяйственные реформы, они столкнулись с многочисленными трудностями не только из-за сопротивления танзанийцев переходу к капиталистической экономике, которая для них ассоциировалась с неравенством и эксплуатацией, но и потому, что Мвалиму уничтожил предпринимательские стимулы; падение производства во всех отраслях стало при Ньерере перманентной проблемой. В обществе росло понимание того, что независимость не означала немедленного наступления «эпохи процветания», однако разочарование не распространялось на Мвалиму, объяснявшего, что полного освобождения и материального благополучия можно достичь лишь упорным трудом. Танзанийцы в массе своей искренне верили, что «учитель» лучше всех знает, что правильно, а что нет, и никогда не ошибается.

Большинство госслужащих, занимавших высокие административные должности, и функционеров правящих партий Африканский национальный союз Танганьики (ТАНУ, основан в 1954 г.) и Чама Ча Мапиндузи (ЧЧМ, создана в 1967 г.) в целом разделяли основные устремления Ньерере, по крайней мере, в части преодоления болезней и бедности, однако проблемами оставались отсутствие у них необходимой квалификации и необходимость – при крайне низких зарплатах – выживания в буквальном смысле слова. В результате начали распространяться коррупция, хищения и другие злоупотребления, не соответствовавшие моральному облику строителя «общества справедливости», и уже в конце 1960-х гг. по-

явилось выражение «Трудно построить социализм в стране, в которой есть только один социалист» [Kassam, 1994], а режим Мвалиму начал переживать серьезный кризис политической легитимности.

Свою мечту об идеальном мире Ньерере пытался реализовать путем создания деревенских поселений в соответствии с концепцией «Уджамаа», предполагавшей формирование групп крестьян, преданных идеям африканского социализма и вместе работающих на общинной ферме, используя свои сбережения для покупки оборудования и других необходимых материалов [Шлёнская, 2014, с. 66, 95–97]. Создание деревень «уджамаа» было столь важным для политики Ньерере, что он был готов пойти на применение силы. В известной мере ошибочно Мвалиму полагал, что традиционное африканское сельское хозяйство развивалось в форме коллективного производства и что «уджамаа» соответствовала исконной крестьянской практике, – в то время как африканское фермерство базировалось как раз на возделывании отдельными семьями своих полей и использовании урожая для собственного потребления. Годы осуществления этой стратегии стали самыми мрачными в карьере Ньерере – государственного деятеля, так как именно в ходе реализации «уджамаа» в наибольшей степени проявились противоречия между его философией и реальной политикой.

Ньерере пользовался непререкаемым авторитетом благодаря харизме, интеллекту, острому чувству справедливости, но его политика отличалась некоторой непоследовательностью. Так, он справедливо утверждал, что иностранная «помощь развитию» – рычаг внешнего влияния на внутренние дела страны, но до конца 1970-х гг., когда он отказался от помощи МВФ, принимал ее в больших объемах, чем любой другой африканский президент. В начале 1980-х гг. из-за серьезного экономического кризиса, ставшего результатом нескольких совпавших по времени факторов: катастрофических последствий насильственного переселения, роста цен на нефтепродукты, засух и т. д., вновь возникла необходимость заручиться поддержкой международных финансовых институтов (МФИ), в свою очередь потребовавших сокращения государственного вмешательства в экономику. Правительство вынуждено было сдать: первая программа структурной перестройки экономики (СПЭ) была принята Ньерере в 1982 г., но начало ее реализации откладывалось из-за сопротивления ей на всех уровнях власти и общества. В 1985 г., осознав бесполезность сопротивления экономическим реформам, Ньерере ушел с поста президента (сохранив позицию председателя ЧЧМ), предоставив своему преемнику право и бремя реализации СПЭ.

Если достижения Ньерере в экономической сфере были разочаровывающими, то в политической области он добился больших успехов, главным из которых было объединение более чем ста племен в нацию – в значительной степени благодаря превращению языка суахили в государственный и «лингва франка» для танзанийцев.

РЕЖИМЫ АЛИ ХАСАНА МВИНЬИ (1985–1995) И Б. МКАПЫ (1995–2005)

В 1985 г. при поддержке Ньерере по итогам (95,6% голосов) всеобщих выборов президентом страны стал Али Хасан Мвиньи, сразу же приступивший к проведению экономических реформ, от реализации которых Ньерере уклонялся, не желая изменять своим идеалам. В надежде преодолеть последствия «уджамаа» и получить необходимые для оздоровления экономики объемы внешней помощи глава государства инициировал более тесные, нежели при Ньерере, контакты с МВФ и ВБ.

Между тем сотрудничество с МФИ осуществлялось довольно беспорядочно, при внутреннем сопротивлении, но под сильным влиянием извне. Прежде всего новое правительство сделало попытку привести цены в соответствие со спросом и предложением. Валюта

была девальвирована, импортные тарифы рационализированы, многие государственные компании приватизированы, финансовый сектор открыт для частных внутренних и иностранных игроков и т. д. Вначале инновации привели к некоторому росту экономики – в основном за счет аграрного сектора, который начал восстанавливаться после нескольких лет паралича, однако либерализация сопровождалась ростом коррупции, и к концу второго срока Мвиньи Танзания оказалась в группе самых коррумпированных стран мира [Hellman, Ndumbaro, 2002, p. 5–6].

В 1991 г. Мвиньи создал комиссию под председательством верховного судьи Френсиса Л. Ньялали, задача которой состояла в изучении общественного мнения по поводу сохранения однопартийной системы. В результате работы комиссии в мае 1992 г. в Основной закон была внесена поправка о введении многопартийности [Турьинская, 2015].

Конец второго срока правления Мвиньи ознаменовался рядом коррупционных скандалов. В хищении государственных средств, обнаруженном в 1994 г. и достигавшем 3% ВВП, оказались замешанными высокопоставленные чиновники Министерства финансов. В результате доноры временно прекратили все выплаты: конфликт между ними и правительством Танзании продолжался практически в течение всего президентства Мвиньи. Среди его причин было недовольство значительной частью танзанийской элиты, в т. ч. несколькими министрами, отказом от социориентации. Одни возмущались по идеологическим причинам, другие пытались защитить источники доходов, которые смогли найти для себя еще при режиме Ньерере. В результате реформы, навязанные МФИ, замедлились и начали мало влиять на экономику. Лишь в 1995 г. отношения «донор – реципиент» были в известной мере урегулированы благодаря работе специальной консультативной группы [Edwards, 2012, p. 37–38].

В марте 1995 г. на партсъезде, собравшемся для выдвижения кандидата в президенты на предстоящих выборах, Ньерере обвинил лидеров ЧЧМ, в т. ч. Мвиньи, в том, что они позволили коррупции выйти из-под контроля. Однако распространение этого порока стало лишь одной из проблем правящей партии: если при Мвалиму ее руководство более или менее искренне разделяло его идеи по поводу будущего Танзании, то уже в годы правления второго президента идеология «африканского социализма» в «умах и сердцах» тех же политиков стала стремительно вытесняться их собственными меркантильными интересами. В результате верхушка ЧЧМ разделилась на несколько фракций, сражавшихся между собой за власть, привилегии и доступ к государственным ресурсам.

После бурных дискуссий в номинации победил политик и журналист Бенджамин Мкапа, не замешанный в коррупционных скандалах и пользовавшийся поддержкой Ньерере. В 1995 г. кандидат от ЧЧМ в первый раз в ее истории имел соперников – претендентов на пост президента от оппозиционных партий, поэтому выборы были весьма показательными с точки зрения сохранения ЧЧМ ее популярности, которая, как оказалось, заметно снизилась, так как Мкапа получил всего 62% голосов – намного ниже ожиданий [Weinstein, 2010].

Действительно, в 1995 г. ЧЧМ была совсем другой организацией, нежели 20 и даже 10 лет назад. Привлекательность членства в ней теперь заключалась не в сопричастности происходившим историческим процессам, а в контроле над распределением ресурсов. Политические лидеры предпочитали членство в ЧЧМ не по идеологическим соображениям, а потому, что оно предоставляло доступ к материальным благам. В результате партия утратила имидж «защитника бедных», что стало особенно очевидным после смерти Ньерере в 1999 г.

От Мкапы ожидалось, что он поведет последовательную борьбу с общественными пороками, и уже через два месяца после инаугурации, состоявшейся 23 ноября 1995 г., 17 января 1996 г. Мкапа учредил специальную Комиссию по борьбе с коррупцией, в задачи

которой входила оценка различных законов и постановлений, использовавшихся при сборе налогов, выдаче лицензий и проведении тендеров. Само по себе создание комиссии свидетельствовало о серьезности намерений правительства бороться со злоупотреблениями, но ее работа не привела к снижению уровня коррупции, возможно потому, что сама комиссия была коррумпирована [Hellman, Ndumbaro, 2002, p. 14].

В 2000 г. Мкапа был переизбран на второй срок. Результаты электоральной кампании были предрешенными, во-первых, благодаря поддержке президента большинством фракций ЧЧМ; во-вторых, из-за неспособности оппозиции выдвинуть единого кандидата и, в-третьих, из-за скептического отношения танзанийцев к избирательному процессу вообще.

Между тем период правления Мкапы был достаточно благоприятным для экономического роста, средние темпы которого в 2002–2005 гг. достигали 4–6%, что являлось по африканским меркам хорошим показателем. Однако рост обуславливался не столько внутренними реформами, сколько внешними вливаниями. В целом был достигнут значительный прогресс в достижении макроэкономической стабильности, но мало было сделано для реализации цели «опоры на собственные силы», не утратившей своего значения со времен Ньерере.

Правление Мкапы ознаменовалось еще более глубокими, нежели при Мвиньи, расколами в руководстве ЧЧМ, разбившемся на несколько фракций, каждая из которых выдвинула своего кандидата в президенты для участия в выборах 2005 г.

РЕЖИМ ДЖАКАЙИ КИКВЕТЕ (2005–2015)

Победа (80% голосов) бывшего министра иностранных дел, кандидата от ЧЧМ Джакайи Киквете на выборах 2005 г. вселила во многих граждан страны надежду на улучшение условий жизни. Подобно своим предшественникам, он обещал победить коррупцию, создать десятки тысяч новых рабочих мест, снизить уровень бедности и т. д., но уже первый срок его правления ознаменовался многочисленными акциями протеста танзанийцев, разочарованных деятельностью правительства, хотя сам президент сохранил свою популярность благодаря репутации честного, не замешанного в коррупционных скандалах политика и близкого соратника Мвалиму.

Для оправдания невыполнения предвыборных обещаний Киквете использовал широко распространенный среди африканских лидеров «запрещенный» прием – жесткую критику деятельности предшественника. В частности, он указывал, что экономическая политика Мкапы не привела к сокращению неравенства и бедности, что борьба предыдущего президента с коррупцией не распространялась на высокопоставленных чиновников, и т. д. Однако правительство Киквете не только не провело ожидавшегося от него аудита госконтрактов, подписанных при Мкапе и считавшихся коррупционными, но и само заключало соглашения, наносившие ущерб экономике, например в 2005 г. – с американской компанией Richmond Development Corporation (RDC) – на поставки дополнительной электроэнергии в Дар-эс-Салам. RDC не смогла выполнить условия контракта даже после нескольких отсрочек, но лица, замешанные в скандале, так и не были привлечены к судебной ответственности [Issa, 2019, p. 8].

Правление Киквете отличалось большими противоречиями, нежели режимы его предшественников. Даже в сфере борьбы с коррупцией, позиционируя себя последователем Ньерере, он допускал масштабные финансовые махинации; сместив некоторых министров, он позволил им вернуться в свои округа, где они приветствовались, как герои, потому что успели принести пользу своей «малой родине». Коррупционные скандалы становились все более дорогостоящими для ЧЧМ – и в материальном, и в моральном отношениях: партия

начала подвергаться жесткой критике. Возможно, именно поэтому преемник Киквете – Магуфули начал беспрецедентную борьбу с коррупцией в первые же дни президентства.

Однако в экономической сфере, несмотря на засухи, рост цен на нефтепродукты и мировой экономический кризис, которыми в ином случае можно было бы объяснить провалы в экономике, правительству Киквете, напротив, удалось – благодаря поддержке МФИ – достичь заметных успехов, в частности 7%-х темпов роста ВВП и снижения инфляции с 12% в 2009 г. до 4% в 2010 г. [Nyaluke, Connolly, 2013, p. 15]. Однако, как и при его преемниках, макроэкономические достижения не сопровождалось ростом уровня жизни танзанийцев, что заметно ослабило позиции Киквете перед выборами 2010 г. Но наибольшее недовольство населения вызывал все тот же пресловутый «рост коррупции», продолжавшийся вопреки всем принимавшимся мерам. Безусловно, это бич всех африканских и не только стран, но в Танзании этой проблеме уделялось особое внимание: живы были еще воспоминания об эпохе Ньерере, при котором коррупция считалась аморальным явлением, и сохранялась ностальгия по временам бедности, но относительного равенства.

В результате на выборах 2010 г. Киквете получил лишь 63% голосов – почти на 20% меньше, чем в 2005 г., а число голосов, отданных за кандидата (У.П. Слаа) от оппозиционной Партии за демократию и прогресс (ЧАДЕМА), выросло за тот же период с 6% до 27% – именно благодаря обещаниям твердо бороться с коррупцией [2010 *всеобщие выборы*, 2010].

В целом, хотя приверженность Дж. Киквете политическим и социально-экономическим реформам не вызывала сомнений, большая часть усилий режима не увенчалась успехом из-за «заятости» президента между отдельными партийно-правительственными фракциями, которые он пытался по очереди умиротворить или приручить.

ПРАВЛЕНИЕ ДЖОНА ПОМБЕ МАГУФУЛИ (2015–2021)

Пятый президент Танзании Джон Помбе Магуфули пришел к власти 5 ноября 2015 г., получив по итогам президентских выборов 58,5% голосов. В преддверии их лидеры ЧЧМ, обеспокоенные усилением оппозиции, готовы были прибегнуть к фальсификациям, чтобы остаться у власти, но выбор Магуфули – аутсайдера, не принадлежавшего ни к одной из фракций ЧЧМ и имевшего репутацию честного и неподкупного государственного деятеля, позволил избежать серьезных нарушений.

Праймериз 2015 г. выявили глубокие расколы в партии. Результаты выборов оказались менее предсказуемыми, чем в предыдущие годы, прежде всего из-за многочисленных дезертирств членов ЧЧМ, перешедших в оппозицию, что разбалансировало сложившуюся еще при Ньерере политическую иерархию. Хотя ЧЧМ оставалась правящей партией, число голосов, отданных за Магуфули, было наименьшим «большинством», когда-либо получавшимся ее кандидатом.

Победа Магуфули в значительной степени была обусловлена признанием за ним такого качества, как упорство в достижении цели, проявленного им на должностях министра общественных работ (2000–2006, 2010–2015), земель и населенных пунктов (2006–2008) и животноводства и рыбного хозяйства (2008–2010), занимая которые он получил прозвище «Бульдозер» [Issa, 2019, p. 4].

Действительно, Магуфули пошел дальше своих предшественников в выполнении предвыборных обещаний и немедленно внес изменения в стиль управления и способы борьбы с коррупцией. За годы его правления было создано совсем немного новых государственных агентств и комиссий, напротив, выявлялись неэффективные институты: например, государственные банки, оказавшиеся на грани банкротства, были присоединены к более надежным финансовым организациям [Mirondo, 2018], а пять государственных пенсионных

фондов объединены в два [Masare, 2017]. Эти меры принимались либо в целях сокращения государственных расходов, либо из соображений эффективности. В первый год правления Магуфули урезал средства на обычно роскошное открытие первой – при новом президенте – парламентской сессии почти на 90% и потребовал направить сэкономленные деньги на покупку больничных коек и строительство дорог. Через месяц после вступления в должность он объявил, что его кабинет будет состоять из 19 министерств – на 11 меньше, чем при Киквете [Adotevi, 2017].

Во время предвыборной кампании Магуфули пообещал провести чистку в госслужбе, восстановить дисциплину и обеспечить более высокие стандарты поведения. Именно поэтому государственные служащие первыми оказались в фокусе внимания правительства: сотни высокопоставленных чиновников были уволены, отправлены на пенсию из-за неэффективности или злоупотреблений, отсутствия необходимой квалификации и т.д. Среди них – глава правительственного органа по борьбе с коррупцией, начальники налоговой и портовой служб и др. Магуфули не пощадил даже близкого друга – министра горнодобывающей промышленности и энергетики Соспетера Мухонго, замешанного в незаконных экспортных операциях [Sambaiga et al., 2018, p. 29].

Магуфули не был связан «узами ответственности» с какой-либо патронажной сетью, поэтому мог противостоять корыстным интересам политической элиты. Конечно, он мог создать свою сеть, но вместо этого начал серьезную борьбу с неправомерным использованием государственных средств, например обычно дорогостоящее празднование Дня независимости заменил национальной кампанией по наведению порядка на улицах. Были запрещены необязательные зарубежные поездки – он заявил, в частности, что на 163 млн долл., потраченных с 2013 по 2015 г. на командировки госслужащих, можно было построить 400 км асфальтовых дорог [Shaw, 2016, p. 2] – и использование дорогих гостиниц для заседаний правительства (экономленные средства немедленно переводились в школы и больницы) и др.

Однако реализация его политики жесткой экономии и борьбы с коррупцией в известной мере находилась вне контроля президента. Хотя Магуфули к моменту прихода к власти уже имел более чем 20-летний опыт работы в различных министерствах, он не был мастером политического манипулирования. Более того, будучи избранным на платформе ЧЧМ, он был вынужден учитывать мнение по разным вопросам таких политических «силачей», как Киквете, который занимал пост председателя партии с ноября 2012 по 23 июля 2016 г. [Anyimadu, 2016, p. 7–8, 14].

Некоторые меры, принятые президентом, влекли за собой большие экономические издержки. Бюрократия с трудом приспосабливалась к новым требованиям; различные разрешения, лицензии и т.д., быстро выдававшиеся в контексте коррупционной схемы, теперь накапливались на столах чиновников. Многие предприятия закрылись, так как именно коррупция ранее позволяла бизнесу развиваться. Препятствовали торгово-промышленной деятельности также соблюдение налогового регулирования и антикоррупционный контроль на таможне, ограничивавший поток товаров. В результате из-за распространения контрабанды началось сокращение государственных доходов; снизились возможности обогащения для элиты, но и простым танзанийцам стало труднее зарабатывать на жизнь. Из-за низких зарплат в госсекторе рабочие и служащие не могли полагаться исключительно на официальные доходы, поэтому «ускоренными» темпами начала развиваться неформальная экономика. Между тем, хотя «нулевая терпимость» к коррупции была «главным политическим приоритетом» партии и правительства со времен Ньерере, именно Магуфули стал первым президентом, действительно придерживавшимся этого принципа.

В 2016 г. Магуфули в качестве председателя ЧЧМ провел серьезные реформы, направленные на повышение эффективности и вызволение партии из рук горстки богатой элиты, в частности, уменьшил размер руководящих органов ЧЧМ. Эти действия Магуфули можно интерпретировать как попытку перестроить партию таким образом, чтобы ею было удобней управлять. Кроме того, в ЧЧМ произошло обновление руководства; некоторые представители «старой гвардии» были отстранены. Хотя президент сохранил несколько лиц старшего возраста, например, генсека и заместителя председателя, на стратегических позициях (заместителя генсека, секретаря НИК, секретаря по идеологии и пропаганде, казначея и др.) появились новые люди. Магуфули полагал, что лучше иметь несколько лояльных партийных лидеров, чем большое число функционеров, многие из которых подвергали репутацию партии риску. Тем более что при прежних режимах высокий уровень неформальных отношений ослабил партийные структуры и привел к появлению неофициальных лидеров, к покупке голосов во время выборов партийного руководства, к присвоению партийных ресурсов и т.д. [Sambaiga et al., 2018, p. 31].

При Магуфули ЧЧМ стала все больше ориентироваться на сельских жителей, что особенно отчетливо проявилось, когда он начал расширять партийную базу за счет периферийных районов, пообещав простым танзанийцам большую долю национальных доходов в рамках стратегии экономического развития, реализация которой контролировалась государством. Президент выступал с критикой истеблишмента, позиционируя себя в качестве политика, вставшего на сторону народа против коррумпированной элиты. Популистские стратегии в известной мере помогли ему восстановить авторитет партии, что, впрочем, не всегда достигалось «демократическими» средствами, поскольку Магуфули использовал свой контроль над государством для нейтрализации политических оппонентов.

Но популистские меры на фоне усиления репрессивности режима не способствовали росту популярности самого Магуфули. Напротив, его рейтинг упал с 96% в 2016 г. до рекордно низкого уровня в 55% в 2018 г. Президента, выступавшего против разного рода злоупотреблений, обвиняли в фаворитизме, примером которого считалось строительство аэропорта в родном городе Магуфули – Чато [Congressional Research Service, 2020].

2010-е годы ознаменовались заметным ростом влияния оппозиции. В этих условиях Магуфули вынужден был последовательно укреплять свою власть, используя в том числе репрессивные тактики запрета протестных выступлений, арестов, закрытия СМИ, выступавших с критикой правительства, и т. д. [Africa Center for Strategic Studies, 2019]. Действия президента свидетельствовали о намерении если не ликвидировать, то заметно ослабить оппозиционные партии. Так, в июне 2016 г. на несколько месяцев была ограничена деятельность оппозиционных членов парламента; нескольким из них были предъявлены обвинения в оскорблении «чести и достоинства» президента. Президент призывал не протестовать, а «работать и строить нацию». В результате его правление получило название «магуфулизм» [Collord, 2021, p. 16], что подразумевало не только твердость, но и суровость.

Из-за борьбы режима с оппозицией она стала слабее, многие депутаты ушли в отставку. В феврале 2018 г. 36 влиятельных представителей танзанийской католической церкви (Магуфули был правоверным католиком) выступили с заявлением, в котором предупреждали, что усиление репрессий приведет к окончательному подрыву доверия граждан к правительству. В январе 2019 г. ведущие организации гражданского общества сформировали коалицию для «восстановления демократии в Танзании» и призвали президента начать диалог с оппозицией, однако он отверг их предложения, заявив, что ЧЧМ «останется у власти навеки» [Africa Center for Strategic Studies, 2019]. Первоначальная эйфория многопартийности угасла, поскольку оппозиция не смогла предложить жизнеспособный альтернативный путь развития.

В годы правления Магуфули заметно расширилось участие государства в экономике, что, в частности, зафиксировано в Национальном пятилетнем плане развития на 2016/17–2020/21 гг. [Ministry of Finance, 2016]. Были возрождены некоторые госпредприятия. По всей стране запускались новые проекты; создавались тысячи рабочих мест, прежде всего в районах с высоким уровнем безработицы; построены сотни километров дорог, десятки больниц, школ и т. д. Однако, несмотря на заметный прогресс в социально-экономической сфере, по классификации ВБ Танзания остается страной с низким уровнем дохода, и, представляется, что одна из главных целей правительства Магуфули – превращение ее к 2025 г. в государство со средним доходом – вряд ли будет достигнута. Темпы роста ВВП с начала 2000-х гг. превышали 5%, но более трети населения по-прежнему живет за чертой бедности; около 30% – неграмотно; более 50% жителей не имеет доступа к чистой воде, 90% – к электричеству или газу. Главными препятствиями на пути развития по-прежнему остаются зависимость от внешней помощи, сбой в управлении и организации производства, отсутствие мониторинга реализации планов и программ [Ministry of Finance, 1999].

Взятый Магуфули на вооружение принцип «опоры на собственные силы» позволил ему мобилизовать национальные (а не зарубежные) средства для финансирования крупных проектов развития, например, строительства железной дороги от Дар-эс-Салама до оз. Виктория и гидроэлектростанции в ущелье Стиглера. Его лозунг «Нара Kazi Tu», который можно примерно перевести как «Работа здесь и сейчас!», призывал граждан усердно работать на благо страны. При Магуфули был сформирован государственный экономический подход, ранее применявшийся при Ньерере. При продвижении своих решений он отсылал оппонентов к философии Мвалиму, прежде всего к идеям единства и равенства, что побуждало некоторых исследователей квалифицировать его действия как «пост-социалистические» [Nkoubou, Ainslie, 2021]. Как и Ньерере, Магуфули был готов добиваться своих целей любой ценой.

В 2020 г. в ходе президентских и парламентских выборов Магуфули и правящая партия одержали убедительную победу, получив 84% голосов и 99% мест, соответственно, что стало беспрецедентным уровнем после введения многопартийности. Между тем явка на выборы снизилась с 67% в 2015 до 51% в 2020 г.: видимо, многие избиратели сочли результаты предрешенными. Протесты против итогов выборов были встречены полицией насилием и арестами [Collord, 2021, 14].

17 марта 2021 г. Магуфули умер от болезни сердца, обострившейся на фоне коронавируса. Надо сказать, что многие политики, члены как ЧЧМ, так и оппозиционных партий, вздохнули с облегчением: правящая группа давно разделилась на «магуфилов» и «магуфобов». После смерти Магуфули страну возглавила первая женщина – президент Танзании Самиа Сулуху Хасан, приведенная к присяге 19 марта 2021 г. и сразу же дистанцировавшаяся от многих его решений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Танзания не избежала проблем, обычных для зарождающихся демократий, – например, расхождения между формальными правилами, закрепленными в партийных документах, и практическим функционированием политических организаций, что приводило к разногласиям, к снижению популярности правящей партии и ее лидеров и к электоральным потерям. Серьезные ограничения инклюзивности и прозрачности при одновременном развитии системы «патрон – клиент» предопределили компрометацию в глазах танзанийцев демократии как политической системы в целом. Однако особенностью Танзании является то, что смена руководства в этой стране происходит относительно гладко и новые лидеры

с большим или меньшим успехом работают над решением унаследованных проблем, требующих системных изменений.

Танзания остается «островком стабильности», причем не только в восточноафриканском регионе, но, пожалуй, и на всем континенте, однако и в ней все чаще проявляются межэтнические и межрелигиозные разногласия, сепаратистские настроения, борьба за власть и конфликт между поколениями. «Старая гвардия», – а некоторые ее представители, например Киквете, находятся у власти или участвуют в общественной жизни со времен Ньерере, – продолжает держаться за свои позиции, не позволяя молодому поколению вытеснить ее на задний план. Почти все оппозиционные партии переживают внутреннюю борьбу за лидерство, что неудивительно, потому что их возглавляют те же политики, которые были порождены и воспитаны однопартийной системой, но успели вкушать «плоды плюрализма».

Нынешний президент Танзании Самия Сулуху Хасан (род. в 1960 г.) относится к «постколониальному» поколению. В большую политику она пришла в 2000 г., т. е. уже после смерти Ньерере. Как высокопоставленный представитель ЧЧМ она, безусловно, по крайней мере на словах, будет придерживаться заветов Мвалиму, иначе ее правление окажется недолгим (слишком велик еще в стране авторитет первого танзанийского лидера!), но то, что мы находимся в начале эры «постньереризма», не вызывает сомнений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

2010 всеобщие выборы в Танзании. https://www.hmong.press/wiki/Tanzanian_general_election,_2010 [2010 General Elections in Tanzania (in Russian)] (accessed: 18.12.2021).

Бондаренко Д.М. Исламо-христианские отношения, образование и политика в современной Танзании. *Азия и Африка сегодня*. 2004. № 9. С. 27–35 [Bondarenko D.M. Islamic-Christian Relations, Education and Politics in Modern Tanzania. *Asia and Africa Today*. 2004. No. 9. Pp. 27–35 (in Russian)].

Бондаренко Д.М. Исламо-христианские отношения в свете проблемы образования. *Мусульмане и христиане в современной Танзании. Труды участников российской экспедиции*. Под ред. А.Д. Саватеева. М.: Институт Африки РАН, 2005. С. 41–70 [Bondarenko D.M. Islamic-Christian Relations in the Light of the Problem of Education. *Muslims and Christians in Contemporary Tanzania: Proceedings of the Participants of a Russian Expedition*. Ed. A.D. Savateev. Moscow: Institute for African Studies, 2005. Pp. 41–70 (in Russian)].

Джулиус Камбараге Ньерере – первый президент свободной Танзании. *Материалы научно-политической конференции*. Под ред. Ю.Н. Винокурова. М.: Институт Африки РАН, 2010 [Julius Kambarage Nyerere – the First President of Free Tanzania. *Proceedings of the Scientific-Political Conference*. Ed. Yu.N. Vinokurov. Moscow: Institute for African Studies, 2010 (in Russian)].

Овчинников В.Е. *История Танзании в новое и новейшее время*. М.: Наука, 1986 [Ovchinnikov V.E. *History of Tanzania in Modern and Contemporary Times*. Moscow: Nauka, 1986 (in Russian)].

Синицына И.Е. *Танзания. Партия и государство*. М.: Наука, 1972 [Sinityna I.E. *Tanzania. Party and State*. Moscow: Nauka, 1972 (in Russian)].

Турьинская Х.М. Занзибар и союзный вопрос в Танзании: новое «время политики». *Азия и Африка сегодня*. 2015. № 6. С. 34–41 [Turinskaya Kh.M. Zanzibar and the Union Question in Tanzania: New “Time Of Politics”. *Asia and Africa Today*. 2015. No. 6. Pp. 34–41 (in Russian)].

Шлёнская С.М. *Объединенная Республика Танзания*. М.: Институт Африки РАН, 2014 [Shlenskaya S.M. *United Republic of Tanzania*. Moscow: Institute for African Studies, 2014 (in Russian)].

Шлёнская С.М. Выборы в Объединенной Республике Танзания в свете внутрисоюзных отношений. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2015. № 1. С. 73–81 [Shlenskaya S.M. The History of the

Elections in the United Republic of Tanzania in the Light of Intra-Union Relations. *Journal of the Institute for African Studies*. 2015. No. 1. Pp. 73–81 (in Russian)].

Adotevi S.K. *President Magufuli: A Good Example of Leadership and Good Governance in Africa*. August 2017. <https://afjn.org/documents/2017/08/president-magufuli-a-good-example-of-leadership-and-good-governance-in-africa.pdf> (accessed: 04.01.2022).

Africa Center for Strategic Studies. *Subverting Democracy in Tanzania and Zambia*. 17 September 2019. <https://africacenter.org/spotlight/subverting-democracy-in-tanzania-and-zambia> (accessed: 06.01.2022).

Anyimadu A. *Politics and Development in Tanzania. Shifting the Status Quo*. March 2016. <https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/publications/2016-03-politics-development-tanzania-anyimadu.pdf> (accessed: 02.01.2022).

Bjerk P. *Julius Nyerere*. Athens (OH): Ohio University Press, 2017.

Collord M. *Tanzania's 2020 Election. Return of the One-Party State*. IFRI. February 2021. https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/collord_tanzania_2020_election_2021.pdf (accessed: 02.01.2022).

Congressional Research Service. *Tanzania: Recent Governance Trends and 2020 Elections In Brief*. 2020. <https://sgp.fas.org/crs/row/R46579.pdf> (accessed: 05.01.2022).

Edwards S. *Is Tanzania a Success Story? A Long Term Analysis*. Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research, 2012. https://www.nber.org/system/files/working_papers/w17764/w17764.pdf (accessed: 03.01.2022).

Hellman B., Ndumbaro L. Corruption, Politics, and Societal Values in Tanzania: An Evaluation of the Mkapa Administration's Anti-Corruption Efforts. *African Journal of Political Sciences*. 2002. Vol. 7. No. 1. Pp. 1–19.

Hyden G., Mmuya M. *Power and Policy Slippage in Tanzania – Discussing National Ownership of Development*. Sida, 2008. <https://cdn.sida.se/publications/files/sida46879en-power-and-policy-slip-page-in-tanzania---discussing-national-ownership-of-development.pdf> (accessed: 03.01.2022).

Issa F.H.H. Leadership Effectiveness and Democratic Processes the Tanzania Experience: Are the Positive Outcomes Sustainable? *Journal of Power, Politics & Governance*. 2019. Vol. 7. No. 2. Pp. 1–14.

Julius Nyerere. Humanist, Politician, Thinker. Dar es Salaam, Tanzania: Mkuki Na Nyota Publishers, 2006.

Kassam Y. Julius Kambarage Nyerere (1922–). *Prospects: the quarterly review of comparative education*. 1994. Vol. XXIV. No. 1/2. Pp. 247–259.

Masare A. *Tanzania: Rahco, TRL Merged to Form New Corporation*. 14 September 2017. <https://allafrica.com/stories/201709140210.html> (accessed: 07.01.2022).

Ministry of Finance and Planning. *The Tanzania Development Vision 2025*. January 1999. <https://www.mof.go.tz/mofdocs/overarch/vision2025.htm> (accessed: 02.01.2022).

Ministry of Finance and Planning. *National Five Year Development Plan 2016/17 – 2020/21*. June 2016. https://www.mof.go.tz/mofdocs/msemaji/Five%202016_17_2020_21.pdf (accessed: 05.01.2022).

Mirondo R. *Bank of Tanzania approves Merger of Postal, Women's banks*. 2 August 2018. <https://www.thecitizen.co.tz/news/Bank-of-Tanzania-approves-merger-of-Postal-Women-banks/1840340-4693972-u55pl2/index.html> (accessed: 05.01.2022).

Mwakikagile G. *Nyerere and Africa: End of an Era*. Kampala: New Africa Press, 2006.

Nkobou A.T., Ainslie A. 'Developmental Nationalism?' Political Trust and the Politics of Large-Scale Land Investment in Magufuli's Tanzania. *Journal of Eastern African Studies*. 2021. Vol. 7. No. 3. Pp. 378–399.

Nyaluke D., Connolly E. The Role of Political Ideas in Multi-Party Elections in Tanzania: Refuting Essentialist Explanations of African Political Systems. *Irish Studies in International Affairs*. 2013. Vol. 24. Pp. 1–17.

Sambaiga R.F., Baez-Camargo C., Koechlin L. *Informal Governance and Corruption – Transcending the Principal Agent and Collective Action Paradigms. Dismantling Networks of Corruption: Challenges and Opportunities in Reforming Informal Governance in Tanzania*. Basel: Basel Institute on Governance, 2018.

Shaw D. *Tanzania's President John Magufuli – The Hero of the Hour*. New Delhi: Institute for Defence Studies & Analyses. 2016.

Weinstein L. *The Politics of Government Expenditures in Tanzania: 1999–2007*. Los Angeles: University of California, 2010. http://cega.berkeley.edu/assets/miscellaneous_files/wgape/18_Weinstein.pdf (accessed: 02.01.2022).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

КОСТЕЛЯНЕЦ Сергей Валерьянович – к.полит.н., в.н.с., зав. Центром социологических и политологических исследований, Институт Африки РАН, Москва, Россия; с.н.с., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

Sergey V. KOSTELYANETS, PhD (Political Science), Leading Research Fellow, Head of the Centre for Sociological and Political Sciences Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; Senior Researcher, HSE University, Moscow, Russia.

ДЕНИСОВА Татьяна Сергеевна – к.и.н., в.н.с., зав. Центром изучения стран Тропической Африки, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Tatyana S. DENISOVA, PhD (History), Leading Research Fellow, Head of the Centre for Tropical Africa Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.